

INSPIRIA

ДВЕ СЕРЬЕЗНЫЕ ДАМЫ

ДЖЕЙН БОУЛЗ

18+

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Джейн Боулз

Две серьезные дамы

«ЭКСМО»

1943

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Боулз Д.

Две серьезные дамы / Д. Боулз — «Эксмо», 1943 — (Loft.
Современный роман)

ISBN 978-5-04-157427-7

Эксцентричная и авантюрная Кристина Гёринг встречается на вечеринке тревожную, но столь же решительную миссис Копперфилд. Две серьезные дамы, страстно желающие выбраться из скорлупы, отправляются на поиски себя: миссис Копперфилд — с мужем в Панаму, где находит утешение среди женщин из публичных домов, а мисс Геринг познает новых мужчин. Две дамы встречаются снова. Преображенные опытом, они уже совершенно не те неудовлетворенные аккуратной жизнью представительницы высшего общества. А кто они? Анархическая, глубокая и очень забавная, «Две серьезные дамы» — история, которую не вписать ни в какие рамки. Джейн Боулз многие знают как жену Пола Боулза, признанного классика американской литературы двадцатого века. Однако Джейн — гений непризнанный. Хоть ее работы немногочисленны, Джейн Боулз по праву считается одной из лучших писательниц своего поколения. Ее проза остра, как бритва, забавна и чрезвычайно умна. В ней находит отображение то неуловимое состояние женщины, которая живет "аккуратно", прячась в скорлупе, и страстно желает выйти из зоны комфорта, даже если за ее пределами может быть опасно.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-157427-7

© Боулз Д., 1943

© Эксмо, 1943

Содержание

Часть первая	7
Часть вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джейн Боулз

Две серьезные дамы

Полу, Матери и Хелвеше¹

© Немцов М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Часть первая

Отец Кристины Гёринг был американским промышленником немецкого происхождения, а мать – нью-йоркской дамой из весьма именитой семьи. Первую половину своей жизни Кристина провела в очень красивом доме (не дальше часа езды от города), который унаследовала от матери. Именно здесь растили ее вместе с сестрой Софи.

Ребенком Кристина очень не нравилась другим детям. Из-за этого она никак особенно не страдала, поскольку вела, даже в очень раннем возрасте, насыщенную внутреннюю жизнь, которая урезывала ей наблюдения за всем, что бы ни происходило вокруг нее, до такой степени, что она так и не набралась манер, бывших тогда в моде, и в десять лет другие маленькие девочки называли ее старомодной. Даже тогда вид у нее был, как у определенных изуверов, что считают себя вождями, ни разу не заслужив уважения ни единого человека на свете.

Кристину кошмарно беспокоили мысли, что никогда б не пришли в головы ее сверстникам, и в то же время она принимала как должное такое положение в обществе, какое любой другой ребенок считал бы невыносимым. Время от времени какая-нибудь соученица жалела ее и пыталась сколько-то водиться с ней, но Кристина отнюдь не бывала за это благодарна – напротив, она изо всех сил пробовала втянуть новую подружку в культ того, во что бы сама она в то время ни верила.

Сестрой же ее Софи в школе все весьма восхищались. Та обнаружила в себе заметный талант к сочинению стихов и все время проводила с тихой девочкой по имени Мэри, на два года ее младше.

Когда Кристине исполнилось тринадцать, волосы у нее были очень рыжими (почти такими же рыжими остались они и когда она выросла), щеки – водянистыми и розовыми, а нос являл следы аристократизма.

В тот год Софи приводила с собой Мэри домой обедать почти каждый день. Поев, она брала Мэри на прогулку в лесок и прихватывала им обеим по корзинке, в каких приносить обратно цветы. Кристине ходить на такие прогулки Софи не разрешала.

– Ты должна чем-то своим заняться, – говорила ей Софи. Но Кристине было трудно придумать такое, что понравилось бы ей самой. Она привыкла претерпевать множество умственных борений – обыкновенно религиозной природы – и предпочитала быть с другими и устраивать игры. Как правило, игры эти оказывались весьма нравственны и в них часто фигурировал Бог. Однако больше никому не нравились они, и ей приходилось почти весь день проводить в одиночестве. Разок-другой она пробовала ходить в лесок одна и возвращаться оттуда с цветами, подражая Мэри и Софи, но всякий раз, опасаясь, что вернется, а цветов на красивый букет ей не хватит, она так нагружала себя корзинками, что прогулка казалась скорей испытанием, а не удовольствием.

Кристина желала, чтобы после обеда Мэри принадлежала ей одной. Однажды солнечным днем Софи ушла в дом на свой урок фортепиано, а Мэри осталась сидеть на травке. Кристина, бывшая неподалеку и это увидевшая, вбежала в дом, сердце у нее билось от возбуждения. Она скинула туфли и чулки и осталась в короткой белой сорочке. Смотреть на это оказалось не очень приятно, поскольку Кристина в то время была весьма громоздка, а ноги у нее выглядели довольно толстыми. (Невозможно было предвидеть, что превратится она в высокую и элегантную даму.) Она выбежала на лужайку и велела Мэри смотреть, как она танцует.

– Только не отводи от меня глаз, – сказала она. – Я исполню танец поклонения солнцу. А затем покажу, что лучше уж у меня будет Бог и не будет солнца, чем солнце и без Бога. Понимаешь?

– Да, – ответила Мэри. – Ты это сейчас будешь?

– Да, прямо здесь. – Внезапно она затанцевала. Танец был неуклюж, а все жесты ее – нерешительны. Когда из дома вышла Софи, Кристина занималась тем, что бегала взад и вперед, молитвенно сложив руки.

– Что это она делает? – спросила у Мэри Софи.

– Кажется, танец солнцу, – ответила та. – Велела мне сидеть и смотреть на нее.

Софи подошла туда, где Кристина как раз крутилась на одном месте и вяло трясла руками в воздухе.

– Прилипала! – произнесла она и вдруг толкнула сестру на траву.

Кристина после этого долго держалась подальше от Софи, а стало быть – и от Мэри. Однако выпал ей еще один случай оказаться с Мэри наедине, и случилось это потому, что однажды утром у Софи ужасно разболелся зуб, и гувернантке пришлось немедленно вести ее к зубному. Мэри же об этом ничего не слышала и днем пришла, рассчитывая, что Софи окажется дома. Кристина была в башне, где часто собирались дети, и увидела, как та подходит по дорожке.

– Мэри, – завопила она, – поднимайся сюда. – Когда девочка пришла в башню, Кристина спросила, не хотелось бы ей сыграть с нею в одну очень особенную игру. – Называется «Прощаю тебя за все твои грехи», – сказала Кристина. – Только тебе нужно снять платье.

– Будет интересно? – спросила Мэри.

– Мы в нее играем не ради интереса, а потому что играть в нее необходимо.

– Ладно, – ответила Мэри, – я с тобой поиграю. – Она сняла платье, и Кристина надела Мэри на голову старый джутовый мешок. В джUTE она вырезала две дырочки, чтоб Мэри могла смотреть, а на поясе ей завязала веревку.

– Пойдем, – сказала Кристина, – и тебе отпустят все твои грехи. Повторяй сама себе: «Пускай Господь простит мне все мои грехи».

Вместе с Мэри поспешила она вниз по лестнице, а затем по лужайке к леску. Кристина пока еще толком не знала, что намерена делать, но была очень сильно взбудоражена. Они подошли к ручейку, бежавшему по лесной опушке. Берега у него были мягкими и грязными.

– Подойди к воде, – сказала Кристина, – думаю, вот как мы смоем с тебя грехи. Тебе надо встать в грязь.

– Возле грязи?

– В *саму* грязь. Горек ли грех у тебя во рту? Должен быть горек.

– Да, – неуверенно ответила Мэри.

– Тогда ты же хочешь быть чиста и беспорочна, как цветочек, правда?

Мэри не ответила.

– Если не ляжешь в грязь и не дашь мне обложить всю тебя грязью, а потом не вымоешься в ручье, останешься навеки проклята. Хочешь быть навеки проклята? Решать нужно сейчас же.

Под своим черным клобуком Мэри стояла, не произнося ни слова. Кристина толкнула ее наземь и принялась обмазывать мешковину грязью.

– Грязь холодная, – пожаловалась Мэри.

– Зато адское пламя жаркое, – сказала Кристина. – Если дашь мне доделать – не отправишься в ад.

– Только ты недолго, – сказала Мэри.

Кристина была очень взволнована. Глаза у нее сверкали. Она лепила на Мэри все больше и больше грязи, а потом сказала ей:

– Теперь ты готова очиститься в водах.

– Ох, прошу тебя, нет, только не в воду – я ненавижу в воду заходить. Я боюсь воды.

– Забудь обо всем, чего боишься. Бог смотрит сейчас за тобой, и Он тебе пока что не сочувствует.

Она подняла Мэри с земли и вошла в ручей с нею на руках. Свои туфли и чулки снять она забыла. Платье у нее все было в грязи. Затем она погрузила в воду тело Мэри. Та смотрела на нее через дыры в джуте. Ей не пришло в голову сопротивляться.

– Трех минут хватит, – сказала Кристина. – Я немножко за тебя помолюсь.

– Ой, не надо, – взмолилась Мэри.

– Конечно, надо, – произнесла Кристина, подняв к небу взгляд. – Милый Боженька, – проговорила она, – сделай эту девочку Мэри такой же чистой, как Сын Твой Иисус. Смой с нее грехи так, как вода сейчас смывает с нее грязь. Этот черный мешок доказывает тебе, что она считает себя грешницей.

– Ой, хватит, – прошептала Мэри. – Он тебя слышит, даже если ты про себя говоришь. А ты так орешь.

– Три минуты, кажется, прошло, – сказала Кристина. – Пойдем, дорогая, теперь можно встать.

– Побежали к дому, – сказала Мэри. – Я до смерти замерзла.

Они побежали к дому и по задней лестнице, что вела в башню. В комнате башни было жарко, потому что там не отпирали окон. Кристине вдруг стало очень скверно.

– Ступай, – сказала она Мэри, – иди в ванну и смой с себя все. Я буду рисовать. – Ей было очень не по себе. «Все кончено, – сказала себе она, – наигрались. Велю Мэри идти домой, когда вытрется. Дам ей с собой цветных карандашей».

Мэри вернулась из ванны, завернувшись в полотенце. Она еще дрожала. Волосы у нее были мокрыми и прямыми. Лицо выглядело меньше, чем обычно.

Кристина отвернулась от нее.

– Игра закончена, – сказала она, – всего несколько минут – тебе уже пора высохнуть – я пошла отсюда. – И она удалилась из комнаты, а Мэри осталась, туже укутывая себе плечи полотенцем.

Взрослой женщиной мисс Гёринг нравилась не больше, чем ребенком. Теперь жила она у себя под Нью-Йорком со своей приживалкой мисс Гэмелон.

Тремя месяцами ранее мисс Гёринг сидела в гостиной, разглядывая безлистные деревья снаружи, и тут горничная объявила гостя.

– Господин или дама? – поинтересовалась мисс Гёринг.

– Дама.

– Проси немедленно, – сказала мисс Гёринг.

Горничная вернулась в сопровождении посетительницы. Мисс Гёринг поднялась с места.

– Здравствуйте, – произнесла она. – Полагаю, что до сего мига я в глаза вас не видела, но будьте добры, садитесь.

Гостья была низкоросла и коренаста, с виду – под или чуть за сорок. Носила она темное и немодное, и если б не большие серые глаза, лицо ее осталось бы во всяком случае непримечательным.

– Я двоюродная сестра вашей гувернантки, – сообщила она мисс Гёринг. – Она у вас прослужила много лет. Вы ее помните?

– Помню, – ответила мисс Гёринг.

– Так вот, меня зовут Люси Гэмелон. Кузина моя постоянно рассказывала о вас и вашей сестре Софи. Я уже много лет собиралась нанести вам визит, но мешало то одно, то другое. Но, опять же, вечно оно так с нами.

Мисс Гэмелон покраснела. Она еще не разоблачилась и сидела в пальто и шляпке.

– У вас прелестный дом, – сказала она. – Полагаю, вам это известно и вы очень это цените.

К тому времени мисс Гёринг уже исполнилась любопытства касательно мисс Гэмелон.

– Чем вы занимаетесь в жизни? – спросила она.

– Боюсь, что немногим. Всю свою жизнь я перепечатывала рукописи знаменитых авторов, но теперь на авторов, похоже, спроса стало не очень много – ну, или же они сами себя печатают.

Погрузившись в мысли, мисс Гёринг не ответила ничего.

Мисс Гэмелон беспомощно огляделась.

– Вы здесь почти все время или главным образом путешествуете? – внезапно спросила она у мисс Гёринг.

– Никогда не думала о путешествиях, – ответила та. – Путешествия мне без надобности.

– С таким семейным происхождением, как у вас, – проговорила мисс Гэмелон, – полагаю, вы родились уже со знанием обо всем. Путешествовать вам не обязательно. Мне два-три раза выпадала возможность путешествовать с моими авторами. Они были не прочь оплатить все мои расходы, а кроме того – мое полное жалованье, но я никуда не поехала – вот только раз, и то в Канаду.

– Вам не нравится путешествовать, – произнесла мисс Гёринг, не сводя с нее взгляд.

– Мне это не по душе. В тот раз я попробовала. У меня расстроился желудок и не прекращались нервные головные боли. Этого хватило. Я вняла предупреждению.

– Полностью вас понимаю, – сказала мисс Гёринг.

– Я глубоко убеждена, – продолжала мисс Гэмелон, – что нас предупреждают. Некоторые на такие предупреждения не откликаются. Вот тогда-то эти люди и вступают в противоречие. Думаю, на то, что вам странно или же нервно, вы и не годитесь.

– Продолжайте, – сказала мисс Гёринг.

– Ну, к примеру, я знаю, что я не гожусь в авиаторы. Мне всегда снилось, как я разбиваюсь оземь. Много чего я не стану делать, пусть даже меня сочтут упрямой ослицей. Например, не буду пересекать большой водоем. Мне б досталось все, чего я хотела, если б я только переплыла океан в Англию, но я ни за что этого делать не стану.

– Что ж, – произнесла мисс Гёринг, – давайте выпьем чаю с сэндвичами.

Мисс Гэмелон ела прожорливо и хвалила мисс Гёринг за хорошую еду.

– Мне нравится питаться хорошим, – сказала она; – хорошей еды мне теперь не хватает. Была, когда я работала у авторов.

Допив чай, мисс Гэмелон стала раскланиваться с хозяйкой.

– Я весьма светски провела время, – сказала она. – Мне бы хотелось задержаться и подольше, но сегодня я обещала своей племяннице, что послежу вместо нее за детьми. Она собирается на бал.

– Должно быть, мысль об этом вас очень угнетает, – произнесла мисс Гёринг.

– Да, вы правы, – ответила мисс Гэмелон.

– Приходите же вскорости еще, – сказала мисс Гёринг.

На следующий день горничная объявила мисс Гёринг, что у нее гостя.

– Та же дама, что заходила сюда вчера, – сказала она.

«Так-так, – подумала мисс Гёринг, – это хорошо».

– Как вы себя сегодня чувствуете? – спросила у нее мисс Гэмелон, входя в комнату. Говорила она очень естественно и, похоже, вовсе не считала странным, что вернулась так скоро после своего первого визита. – Я думала о вас всю минувшую ночь, – сказала она. – Забавно это. Всегда считала, что мне нужно с вами познакомиться. Кузина моя, бывало, рассказывала, до чего вы были странная. Думаю, впрочем, что вы быстрее подружитесь со странными людьми. В этом смысле у меня такое преимущество сближения, какого нет у большинства людей. И мне кое-что известно о тех, кого я зову беззаветными одержимцами.

Мисс Гёринг пригласила мисс Гэмелон с нею отужинать. С женщиной этой, поняла она, ей быть утешительно и приятно. На мисс Гэмелон произвело большое впечатление то, что мисс Гёринг так нервничает. Едва они собрались сесть, как она сказала, что не перенесет, если

трапезничать они станут в столовой, а потому попросила служанку накрыть им стол в гостиной. Довольно много времени потратила она и на то, чтобы погасить и зажечь свет.

– Я знаю, каково вам, – сказала ей мисс Гэмелон.

– Мне это не особо нравится, – произнесла мисс Гёринг, – но рассчитываю, что в будущем я возьму себя в руки.

За вином на этом ужине мисс Гэмелон рассказала мисс Гёринг, что пребывать в таком состоянии – правильно и никак иначе.

– А чего вы ждали, дорогая, – сказала она, – если сами из подобной семьи? Вы все нацелены высоко – все до единого. Нужно позволять себе такое, чего у других и права-то нет себе позволять.

Мисс Гёринг чуть опьянела. Мечтательно поглядела она на мисс Гэмелон – та как раз ела добавку цыпленка, приготовленного в вине. В уголке ее рта осталось пятнышко жира.

– Люблю пить, – сказала мисс Гэмелон, – но в этом мало толку, если нужно работать. Достаточно прекрасно, когда у вас много времени на досуг. Сейчас у меня такого времени много.

– У вас есть ангел-хранитель? – спросила мисс Гёринг.

– Ну, у меня имеется покойная тетушка – возможно, вы это имели в виду; быть может, она за мною присматривает.

– Я имела в виду не это – я кое о чем совершенно ином.

– Ну, разумеется... – сказала мисс Гэмелон.

– Ангел-хранитель приходит, когда вы очень молоды, и дает вам особое попущение.

– От чего?

– От мира. Вашим может быть удача; мое – деньги. У большинства ангел-хранитель есть; именно потому они и движутся не спеша.

– Оригинально говорить так об ангелах-хранителях. Наверное, меня хранит именно то, что я вам рассказала о моем внимании к предупреждениям. Думаю, моя хранительница предупредила бы меня о нас обеих. Так я бы могла уберечь вас от неприятностей. С вашего позволения, разумеется, – добавила она, с виду слегка смутившись.

У мисс Гёринг возникло в тот миг четкое ощущение, что мисс Гэмелон ни в малейшей степени женщина не милая, но она отказалась признавать это, поскольку слишком уж наслаждалась тем, что за нею ухаживают и ее ублажают. Себе она сказала, что, если ненадолго, вреда от такого не будет.

– Мисс Гэмелон, – произнесла мисс Гёринг, – сдается мне, прекрасный это замысел – если вы поселитесь здесь, как у себя дома, по крайней мере – пока. Не думаю, что у вас имеется какое-либо настоящее дело, требующее вашего присутствия где-либо еще, не так ли?

– Нет, никаких дел у меня нет, – ответила мисс Гэмелон. – Я не вижу, почему бы мне тут не остаться, – мне только понадобится забрать свои вещи из дома моей сестры. А помимо этого я больше ничего и не знаю.

– Какие вещи? – нетерпеливо спросила мисс Гёринг. – Вообще туда больше не возвращайтесь. Мы все можем раздобыть в магазинах. – Она встала и быстро прошлась по комнате.

– Что ж, – промолвила мисс Гэмелон, – думаю, я все же лучше перевезу вещи.

– Но не сегодня вечером, – сказала мисс Гёринг, – завтра – завтра на машине.

– Завтра на машине, – следом за нею повторила мисс Гэмелон.

Мисс Гёринг распорядилась выделить мисс Гэмелон комнату рядом со своею, куда и привела ее вскоре после того, как завершился ужин.

– Из этой комнаты, – произнесла мисс Гёринг, – открывается один из прекраснейших видов во всем доме. – Она раздвинула шторы. – Вот вам сегодня луна и звезды, мисс Гэмелон, а также славный очерк деревьев напротив неба.

Мисс Гэмелон стояла в полутьме возле туалетного столика. Пальцами она покручивала брошку у себя на блузке. Ей бы хотелось, чтобы мисс Гёринг ушла, а она б могла осмыслить и дом, и предложение мисс Гёринг по-своему.

Вдруг в кустах под окном завопили. Мисс Гёринг вздрогнула.

– Что это? – Лицо ее было очень бело, и она поднесла руку ко лбу. – Так долго болит у меня сердце всякий раз после того, как я пугаюсь, – тихонько произнесла она.

– Думаю, мне лучше сейчас лечь и уснуть, – сказала мисс Гэмелон. Ее неожиданно одолело все выпитое вино. Мисс Гёринг неохотно удалилась. Она была готова проговорить полночи. Наутро мисс Гэмелон отправилась домой собрать вещи и дать своей сестре новый адрес.

Три месяца спустя мисс Гёринг немного больше узнала о представлениях мисс Гэмелон, нежели в тот первый вечер, когда они вместе отужинали. Довольно много чего, однако, узнала она о личных особенностях мисс Гэмелон посредством тщательного наблюдения. Когда та только прибыла в дом, она много распространялась о своей любви к роскоши и красивым предметам, но мисс Гёринг с тех пор брала ее с собою в бесчисленные прогулки по магазинам; и она вроде бы никогда не интересовалась ничем, кроме простейших предметов первой необходимости.

Держалась она тихо, даже немного хмуро, но казалась вполне довольной. Ее привлекало питаться в крупных, дорогих ресторанах, а особенно – если трапезу сопровождала обеденная музыка. Театр ей, похоже, не нравился. Очень часто мисс Гёринг покупала билеты на пьесу, а мисс Гёринг в последний миг идти отказывалась.

– До чего же лень мне, – говорила она, – ничего прекрасней постели я сейчас и вообразить не могу.

Когда же в театр она приходила, тот ей легко наскучивал. Если только действие пьесы не разворачивалось стремительно, мисс Гёринг заставляла ее за тем, что она смотрит себе в колени и перебирает пальцами.

Казалось, теперь она неистовее относится к занятиям мисс Гёринг, нежели к своим собственным, пусть даже уже не слушала так сочувственно само-объяснения мисс Гёринг, как в начале.

В среду днем мисс Гэмелон и мисс Гёринг сидели под деревьями перед домом. Мисс Гёринг пила виски, а мисс Гэмелон читала. Вышла горничная и объявила мисс Гёринг, что ее зовут к телефону.

Звонила старинная приятельница мисс Гёринг Анна – пригласить ее на завтра в гости. Мисс Гёринг вернулась на лужайку очень разгоряченная.

– Завтра иду в гости, – сказала она, – но даже не знаю, как дотерплю до завтрашнего вечера: мне так нравится ходить в гости, а приглашают меня так редко, что я и не ведаю, как мне там себя вести. Как же нам скоротать оставшиеся часы? – Она взяла обе руки мисс Гэмелон в свои.

Становилось прохладно. Мисс Гёринг поежилась и улыбнулась.

– Вам нравится наша маленькая жизнь? – спросила она у мисс Гэмелон.

– Я всегда удовлетворена, – ответила та, – поскольку знаю, что брать, а что оставлять, но вы-то всегда подневольны.

Мисс Гёринг прибыла к Анне, вся раскрасневшись и немного чересчур разодевшись. На ней был бархат, а к волосам ей мисс Гэмелон приколотла какие-то цветы.

Мужчины, в большинстве своем – средних лет, – стояли вместе в одном углу комнаты, курили и внимательно слушали друг друга. Дамы же, свеженапудренные, расселись по всей комнате и говорили очень мало. Казалось, Анна несколько напряжена, хоть и улыбалась. На ней был наряд хозяйки, скроенный по мотивам крестьянского костюма центральной Европы.

– Напитки вам подадут через минуту, – объявила она гостям, после чего, завидя мисс Гёринг, подошла к ней и подвела к креслу рядом с миссис Копперфилд, не сказавши ни слова.

У миссис Копперфилд было очень острое личико и очень темные волосы. Сама она была необычайно мала и худа. Миссис Копперфилд нервно потирала себе голые предплечья и оглядывала комнату, когда мисс Гёринг устроилась в кресле рядом с нею. Уже много лет встречались они в гостях у Анны и время от времени пили друг с дружкой чай.

– О! Кристина Гёринг, – воскликнула миссис Копперфилд, вздрогнув от неожиданности, что рядом вдруг уселась знакомица, – я уезжаю!

– Вы имеете в виду, – уточнила мисс Гёринг, – что уходите отсюда?

– Нет, еду путешествовать. Вот погодите, я вам расскажу. Это же ужас.

Мисс Гёринг заметила, что глаза у миссис Копперфилд ярче обычного.

– Что стряслось, миленькая миссис Копперфилд? – спросила она, поднимаясь со своего места и озирая комнату с бодрой улыбкой на лице.

– О, я уверена, – ответила миссис Копперфилд, – что вам не захочется это выслушивать. Вы никак не можете меня уважать, но это не имеет никакого значения, потому что я вас уважаю до крайности. Я слышала как-то раз, что мой муж утверждает, будто природа ваша набожна, и мы с ним тогда едва ли не поссорились крепко. Разумеется, чтоб так говорить, нужно сойти с ума. Вы великолепно непредсказуемы и не боитесь никого, кроме себя. Терпеть не могу набожности в других.

Мисс Гёринг пренебрегла ответить миссис Копперфилд, потому что последнюю секунду другую пристально смотрела на коренастого темноволосого мужчину, который тяжелой поступью шагал к ним через всю комнату. Когда приблизился, она увидела, что у него приятное лицо с широкими щеками, выступавшими по обеим сторонам, но не обвисавшими, как у большинства полных людей. Одет он был в синий деловой костюм.

– Позволите ли присесть рядом с вами? – спросил у них он. – Вот с этой юной дамой я уже встречался, – произнес он, пожимая миссис Копперфилд руку, – но, боюсь, еще не знаком с ее подругой. – Он повернулся и кивнул мисс Гёринг.

Миссис Копперфилд так раздосадовало это вмешательство, что она не удосужилась представить господину мисс Гёринг. Тот подтащил стул к креслу мисс Гёринг и посмотрел на нее.

– Я только что с изумительнейшего ужина, – сообщил он ей, – умеренного по стоимости, но поданного с тщанием и превосходно приготовленного. Если это вас заинтересует, могу записать вам название ресторанчика.

Из жилетного кармашка он вытянул бумажник. Отыскал в нем единственный клочок бумаги, еще не покрытый адресами.

– Я его вам запишу, – сказал он мисс Гёринг. – Несомненно, вы еще будете видеться с миссис Копперфилд, и тогда сможете ей это передать – или же, возможно, она вам телефонирует.

Мисс Гёринг приняла у него клочок бумаги и тщательно всмотрелась в написанное.

Он вовсе не писал там названия ресторана; он попросил согласия мисс Гёринг на то, чтобы позднее она отправилась с ним к нему в квартиру. Это ей невероятно понравилось, поскольку обычно она с восторгом засиживалась как можно позднее, раз уж вышла из дому.

Она подняла взгляд на мужчину, чье лицо оставалось непроницаемым. Напиток свой он потягивал со спокойствием и озидал комнату, как человек, наконец-то завершивший деловые переговоры. Однако на лбу его все же выступили капли пота.

Миссис Копперфилд уставилась на него с отвращением, а лицо мисс Гёринг вдруг просияло.

– Позвольте мне вам рассказать, – произнесла она обоим, – о странном переживании, которое я испытала нынче утром. Сидите тихо, миленькая миссис Копперфилд, и слушайте меня. – Миссис Копперфилд подняла взгляд на мисс Гёринг и взяла руку знакомицы в свои.

– Вчера вечером я осталась в городе у своей сестры Софи, – начала мисс Гёринг, – а сегодня утром стояла перед окном и пила кофе. Здание рядом с домом Софи сносят. Полагаю,

на его месте намерены строить многоквартирный дом. Сегодня утром было не только до крайности ветрено, но к тому же то и дело накрапывал дождик. Из своего окна мне видны были комнаты этого здания, потому что стену напротив меня уже снесли. В комнатах еще оставалась кое-какая обстановка, и я стояла и смотрела, наблюдала, как дождь забрызгивает обои. Те были в цветочек и уже покрылись темными пятнами, которые все больше расплзались.

– Вот так развлечение, – произнесла миссис Копперфилд, – или, быть может, это угнетало.

– Наконец мне стало довольно грустно за этим наблюдать, и я уже совсем собралась отойти, как в одну из этих комнат вошел мужчина и, целенаправленно подходя к кровати, снял с нее покрывало, свернул его и сунул под мышку. Несомненно, то была личная вещь, которую он вовремя не забрал с собой и теперь за нею вернулся. После чего он немного походил бесцельно по комнате и наконец остановился у самого ее края и поглядел вниз во двор, руки в боки. Теперь я различала его яснее и легко определила, что он художник. Пока он там стоял, меня все больше наполняло ужасом – совсем как если б я смотрела сцену из кошмара.

В этом месте мисс Гёринг неожиданно встала.

– Он прыгнул, мисс Гёринг? – с чувством спросила миссис Копперфилд.

– Нет, он некоторое время постоял, глядя во двор с выражением приятной любознательности на лице.

– Поразительно, мисс Гёринг, – сказала миссис Копперфилд. – Я действительно считаю, что это интересная история, честное слово, только она меня напугала до полного беспамятства, и слушать еще одну такую же мне наверняка не понравится. – Едва она договорила, как ее муж произнес:

– Поедем в Панаму и сколько-то пробудем там, а затем проникнем вглубь. – Миссис Копперфилд сжала руку мисс Гёринг.

– Мне кажется, я этого не вынесу, – произнесла она. – В самом деле, мисс Гёринг, отъезд меня так пугает.

– Я бы поехала все равно, – сказала мисс Гёринг.

Миссис Копперфилд соскочила с подлокотника кресла и убежала в библиотеку. Тщательно заперла за собою дверь, а после рухнула на диван и горько зарыдала. Наплакавшись, напудрила себе нос, уселась на подоконник и выглянула в темный сад внизу.

Через час-другой Арнолд – плотный мужчина в синем костюме – все еще разговаривал с мисс Гёринг. Предложил ей уйти из гостей и отправиться в его собственный дом.

– Считаю, мы гораздо приятнее проведем время там, – сказал ей он. – Не так шумно, и мы сможем свободнее разговаривать.

Однако у мисс Гёринг не было никакого желания уходить, она весьма наслаждалась тем, что находится в комнате, полной людей, но толком не понимала, как ей выпутаться и не принимать его приглашение.

– Разумеется, – произнесла она, – давайте же тронемся в путь. – Они встали и молча вместе вышли из комнаты.

– Ничего не говорите Анне о том, что мы ушли, – велел мисс Гёринг Арнолд. – Это лишь вызовет суматоху. Обещаю вам, завтра я пришлю ей каких-нибудь сладостей или цветов. – Он сжал руку мисс Гёринг и улыбнулся ей. Та не была уверена, что не считает его немного чересчур фамильярным.

Выйдя от Анны, Арнолд некоторое время прошел с мисс Гёринг пешком, а потом остановил такси. Дорога к его дому вела по множеству темных и пустых улиц. Мисс Гёринг поэтому так нервничала и впала в такую истерику, что Арнолд встревожился.

– Я всегда думаю, – проговорила мисс Гёринг, – что шофер только и ждет, чтоб его пассажиры увлеклись беседой, а сам пронесется какой-нибудь улицей к труднодоступному и оди-

нокому месту, где либо станет их пытаться, либо убьет. Уверена, что большинство к этому так же относится, как я, но им достает хорошего вкуса об этом не упоминать.

– Раз вы живете так далеко от города, – сказал Арнолд, – не провести ли вам ночь у меня? У нас в доме есть лишняя спальня.

– Вероятно, так и сделаю, – ответила мисс Гёринг, – хотя это противоречит всему моему кодексу – но вместе с тем я свой кодекс еще и не начала применять, пусть даже сужу обо всем согласно ему. – Сказав это, мисс Гёринг немного помрачнела, и дальше они ехали молча, покуда не достигли места назначения.

Квартира Арнолда располагалась во втором этаже. Он открыл дверь, и они вошли в комнату, уставленную книжными стеллажами до потолка. Была застелена тахта, а на коврике с нею рядом стояли шлепанцы Арнолда. Мебель была тяжелой, а там и сям лежали маленькие восточные половики.

– Сплю я здесь, – сообщил Арнолд, – а маменька и папенька мои занимают спальню. У нас есть кухонька, но в общем и целом мы предпочитаем питаться не дома. Есть еще одна крохотная спальня, первоначально предназначавшаяся для горничной, но я больше склонен ночевать здесь, чтобы глаз скользил с книги на книгу; книги – великое для меня утешение. – Он тяжело вздохнул и возложил обе руки мисс Гёринг на плечи. – Видите ли, дорогая моя, – произнес он, – я занимаюсь не вполне тем, чем бы мне хотелось... Недвижимостью.

– А чем бы вам хотелось заниматься? – спросила мисс Гёринг с усталым и безразличным видом.

– Чем-то, естественно, – ответил Арнолд, – связанным с книгами или с живописью.

– И не можете?

– Нет, – произнес Арнолд, – моя семья не считает подобное занятие делом серьезным, а поскольку мне приходится зарабатывать себе на жизнь и оплачивать свою долю этой квартиры, я вынужден был принять должность в конторе моего дядюшки, где, должен признаться, очень быстро стал его самым ценным продавцом. Вечерами, однако, у меня остается много времени вращаться среди людей, которые не имеют к недвижимости никакого отношения. Более того, они вообще очень мало думают о заработках. Само собой, людей этих интересует то, чтобы им доставало пропитания. Пусть даже мне тридцать девять лет, я все еще весьма серьезно надеюсь, что сумею раз и навсегда разойтись со своею семьей. Жизнь я не рассматриваю той парой глаз, какая имеется у них. И мне все больше и больше кажется, что мое существование здесь с ними становится невыносимым, невзирая на то, что я волен принимать у себя кого мне угодно, раз уж я плачу свою долю содержания этой квартиры.

Он сел на тахту и потер глаза руками.

– Вы меня простите, мисс Гёринг, но мне вдруг очень захотелось спать. Я уверен, что чувство это пройдет.

Выпитое мисс Гёринг уже выветривалось, и она подумала, что теперь самое время вернуться к мисс Гэмелон, только ей недоставало мужества самой ехать к себе домой.

– Что ж, я полагаю, вы очень разочарованы, – проговорил Арнолд, – но видите ли, я влюбился в вас. Мне хотелось привезти вас сюда и рассказать вам всю свою жизнь, а теперь мне вообще ни о чем не хочется разговаривать.

– Быть может, вы расскажете мне о своей жизни в какой-нибудь другой раз, – сказала мисс Гёринг, принимаясь очень быстро расхаживать по комнате взад-вперед. Она остановилась и повернулась к нему. – Что вы посоветуете мне сделать? – спросила у него она. – Ехать домой или остаться здесь?

Арнолд присмотрелся к своим часам.

– Непременно оставайтесь, – сказал он.

И тут вошел отец Арнолда в домашнем халате и с чашкой кофе в руке. Был он весьма щупл и носил бородку клинышком. Он представлял собою более внушительную фигуру, нежели Арнолд.

– Добрый вечер, Арнолд, – проговорил отец. – Не будешь ли добр представить меня этой юной даме?

Арнолд их познакомил, а затем его отец спросил мисс Гёринг, почему она не снимет плащ.

– Раз уж вы так припозднились, – сказал он, – и не наслаждаетесь удобством и надежностью собственной постели, с таким же успехом можно с приятностью устроиться и здесь. Арнолд, мой сын, никогда о таком не задумывается. – Он снял с мисс Гёринг плащ и сделал комплимент ее прелестному платью.

– А теперь расскажите мне, где были и что делали. Сам я в свет не выхожу, меня вполне устраивает общество жены и сына.

Арнолд пожал плечами и сделал вид, будто рассеянно оглядывает комнату. Но любой, кому достало бы даже чуточку наблюдательности, заметил бы, что лицо у него решительно враждебно.

– Так расскажите мне об этих гостях, – произнес отец Арнолда, поправляя шарф, который носил на шее. – *Вы* мне расскажите. – Он показал на мисс Гёринг, которой уже стало намного веселей. Она мгновенно предпочла Арнолдова отца самому Арнолду.

– Я тебе расскажу, – проговорил Арнолд. – Там было много народу, в большинстве своем – люди творческие, художники, некоторые преуспевающие и богатые, другие богатые просто потому, что унаследовали средства от какого-нибудь родственника, а иным там едва хватало на пропитание. Никого из тех людей, однако, не интересовали деньги как самоцель – они все до единого были бы довольны, если бы им всего лишь хватало на еду.

– Как дикие животные, – произнес его отец, вставая. – Как волки! Что отделяет человека от волка, как не то, что человек желает получать прибыль?

Мисс Гёринг смеялась, пока по лицу ее не заструились слезы. Арнолд взял со стола какие-то журналы и принялся очень быстро их проглядывать.

Тут в комнату вошла мать Арнолда, неся в одной руке блюдо с горкой кексов, а в другой чашку кофе.

Выглядела она неряшливо, не производила впечатления, а сложена была примерно так же, как и Арнолд. На ней был розовый шлафрок.

– Добро пожаловать, – сказала матери Арнолда мисс Гёринг. – Можно мне кусочек кекса?

Но мать Арнолда, женщина очень неотесанная, не предложила мисс Гёринг ни кусочка; напротив, прижав блюдо к себе, она сказала мисс Гёринг:

– Вы давно знаете Арнолда?

– Нет, я с вашим сыном познакомилась сегодня вечером в гостях.

– Что ж, – произнесла мать Арнолда, ставя поднос и садясь на тахту, – сдается мне, это не долго, правда?

Супруга вызвала у Арнолдова отца раздражение, которое ясно проступило у него на лице.

– Терпеть не могу этот розовый шлафрок, – вымолвил он.

– Почему ты заговорил об этом сейчас, когда мы в обществе?

– Потому что от общества шлафрок не станет смотреться иначе. – Он размашисто подмигнул мисс Гёринг, а после расхохотался. Мисс Гёринг снова от души посмеялась над его замечанием. Арнолд помрачнел еще больше, чем даже мгновение назад.

– Мисс Гёринг, – проговорил он, – боялась ехать домой одна, поэтому я сказал ей милости просим переночевать в лишней комнате. Хотя кровать там не очень удобная, думаю, что там ей будет хотя бы уединенно.

– А почему, – спросил Арнолдов отец, – мисс Гёринг боялась ехать домой одна?

– Ну, – ответил Арнолд, – даме вообще-то не очень безопасно бродить по улицам или даже ездить в такси без спутника в такой поздний час. Особенно если ехать ей очень далеко. Разумеется, если б ей не нужно было так далеко ехать, я сопровождал бы ее сам.

– Рассуждаешь как слюняй, – произнес его отец. – Я-то думал, ты и твои приятели такого не боятся. Я считал вас необузданными, думал, что изнасиловать для вас – все равно что воздушный шарик запустить.

– Ох, не надо так, – вмешалась мать Арнолда с настоящим ужасом. – Почему ты с ними так разговариваешь?

– Лучше б ты спать шла, – произнес Арнолдov отец. – Вообще-то я намерен распорядиться, чтобы ты ступала спать. Простудишься.

– Ну какой же он несносный, а? – проговорила мать Арнолда, улыбаясь мисс Гёринг. – Даже когда у нас в доме общество, не способен сдержать своей львиной природы. А натура у него и *впрямь* как у льва – ревет в квартире день-деньской да расстраивается из-за Арнолда и его друзей.

Отец Арнолда с топотом выскочил из комнаты, и они услышали, как в глубине коридора хлопнула дверь.

– Извините меня, – сказала мать Арнолда мисс Гёринг, – я не хотела расстраивать посиделки.

Мисс Гёринг была очень раздосадована, поскольку старика сочла вполне потешным, а вот сам Арнолд угнетал ее все больше и больше.

– Наверное, я покажу вам, где переночуете, – произнес Арнолд, вставая с тахты и позволяя при этом журналам соскользнуть у него с колен на пол. – Ох, что ж, – продолжал он, – пойдете сюда. Я довольно сонный, и мне все это противно.

Мисс Гёринг с неохотой проследовала за Арнолдом по коридору.

– Подумать только, – сказала она Арнолду, – должна признаться, мне совсем не хочется спать. Нет ничего хуже, верно?

– Да, это ужас, – согласился Арнолд. – Лично я готов рухнуть на ковер и пролежать там до завтрашнего полудня, столь полно я изможден.

Мисс Гёринг сочла такое замечание весьма негостеприимным, и ей сделалось как-то страшновато. Арнолду пришлось пойти искать ключ от свободной комнаты, и мисс Гёринг на некоторое время осталась перед дверью одна.

– Держи себя в руках, – вслух прошептала она, поскольку сердце у нее забилося очень быстро. Как же позволила она себе так далеко уехать от собственного дома и мисс Гэмелон? Наконец вернулся с ключом Арнолд и открыл дверь в комнату.

Та была очень маленькой и гораздо холодней гостиной, где все они сидели. Мисс Гёринг рассчитывала, что Арнолд по этому поводу смутится, но тот, хоть ежился и потирал руки, не сказал ничего. На окне штор не было, но имелись желтые жалюзи, уже спущенные. Мисс Гёринг кинулась на кровать.

– Что ж, дорогая моя, – сказал Арнолд, – спокойной ночи. Я иду спать. Возможно, завтра отправимся посмотреть какую-нибудь живопись – или, если хотите, я приеду к вам домой. – Он взялся руками за ее шею, очень легонько поцеловал ее в губы и вышел из комнаты.

Она так рассердилась, что на глазах выступили слезы. Арнолд немного постоял за дверью, а через несколько минут ушел.

Мисс Гёринг подошла к бюро и опустила голову на руки. В такой позе она пробыла долго, пусть и дрожала от холода. Наконец к ней легонько постучали. Плакать она перестала так же резко, как и начинала, и поспешила открыть дверь. В скверно освещенном коридоре стоял Арнолдov отец. На нем была розовая полосатая пижама, и в виде приветствия он отдал мисс Гёринг честь. После чего остался стоять очень неподвижно, очевидно, ожидая, когда мисс Гёринг пригласит его войти.

– Входите, входите, – сказала ему она, – я в восторге от того, что вижу вас. Небеса! А то было такое чувство, что меня все бросили.

Отец Арнолда вошел и устроился у изножья кровати мисс Гёринг, уселся, болтая ногами. Довольно манерно закурил трубку и оглядел стены комнаты.

– Что ж, дама, – проговорил он, – вы тоже художница?

– Нет, – ответила мисс Гёринг. – Когда я была совсем юна, мне хотелось стать религиозным вождем, а теперь я всего-навсего проживаю в своем доме и стараюсь быть не очень несчастной. Со мною живет подруга, так проще.

– Что вы думаете о моем сыне? – спросил он, подмигивая ей.

– Я только что с ним познакомилась, – ответила мисс Гёринг.

– Довольно скоро поймете, – сказал отец Арнолда, – что человек он довольно-таки никудышный. У него нет представления о том, что значит сражаться. Я б заключил, что женщинам это очень не нравится. Вообще-то не думаю, что у Арнолда в жизни было много женщин. Уж простите меня за то, что передаю вам эти сведения. Сам-то я сражаться привык. Всю свою жизнь я сражался с ближними моими, а не садился чай с ними гонять, как Арнолд. И ближние со мною дрались, как тигры. А вот Арнолд – нет, не боец. Моим честолюбивым замыслом всегда было подняться по дереву на ветку повыше, чем мои ближние, и я к тому ж с готовностью признавал полный свой позор, если оказывался на том дереве ниже кого угодно из своих знакомых. В свете я не бывал уже много лет. Никто не приходит со мною повидаться, и я ни к кому не хожу. А вот у Арнолда и его приятелей никогда ничего толком не начинается и не заканчивается. Они для меня – что рыбка в грязной воде. Если жизнь их с какой-то стороны не устраивает и в каком-то месте они кому-то не нравятся, то просто переплывают куда-то еще. Они желают ублажать и нравиться; именно поэтому так легко подойти и треснуть их сзади по башке – они никогда в своей жизни всерьез не ненавидели.

– Что за странное ученье! – произнесла мисс Гёринг.

– Это не ученье, – ответил отец Арнолда. – Это мои собственные мысли, почерпнутые из моего личного опыта. Я очень верю в личный опыт, а вы?

– О да, – ответила мисс Гёринг, – и я действительно считаю, что про Арнолда вы правы. – Она переживала примечательный восторг от того, что они чернят Арнолда.

– Итак, Арнолд, – продолжал его отец и, казалось, веселел все больше по мере того, как говорил, – Арнолд никогда не мог вынести, если кто-то заставлял его на самой нижней ветке. Всем известно, насколько велик у вас дом, и мужчины, желающие тем устроить свое счастье, – мужчины железные.

– Арнолд во всяком случае – не художник, – вставила мисс Гёринг.

– Нет, в том-то и дело, – произнес отец Арнолда, все более горячась. – Ему недостает ни мяса, ни нервов, ни упорства быть хорошим художником. У художника должны быть мышцы, дерзость и сила характера. Арнолд же – как моя жена, – продолжал он. – Я женился на ней, когда ей исполнилось двадцать лет, из неких деловых соображений. Всякий раз, когда я ей это говорю, она плачет. Еще одна дура. Она меня ничуть не любит, но ее пугает об этом задумываться, вот она и плачет. Вся зеленая от ревности и свернулась вокруг своей семьи и дома своего, как питон, хоть ей здесь и невесело. Жизнь у нее, коли на то пошло, – жалкая, должен признать. Арнолд ее стыдится, а я ею день-деньской помыкаю. Но несмотря на то, что женщина из робкого десятка, она способна какую-никакую силу показать, поиграть мышцами. Потому что, как и я, полагаю, она верна одному идеалу.

Тут в дверь резко постучали. Отец Арнолда ни слова не вымолвил, а вот мисс Гёринг выкрикнула ясным голосом:

– Кто там?

– Это я, мать Арнолда, – донесся ответ. – Впустите меня, пожалуйста, немедленно.

– Одну секундочку, – произнесла мисс Гёринг, – и я вам непременно открою.

– Нет, – сказал отец Арнолда. – Не открывайте дверь. У нее вообще нет никакого права приказывать кому-то открыть дверь.

– Лучше б вам ее открыть, – сказала его жена. – А иначе я вызову полицию – и я при этом нисколько не шучу. Сам знаешь, я никогда не грозила ее вызвать.

– Нет, однажды грозила, – сказал Арнолдов отец, и вид у него при этом был очень встревоженный.

– У меня такая жизнь, – проговорила мать Арнолда, – что я уж скорее распахну все двери, пускай все заходят в дом и любят моим позором.

– Это последнее, что она сделает, – сказал отец Арнолда.

– Когда злится, она рассуждает, как дура. Я ее впусти, – произнесла мисс Гёринг, направляясь к двери. Пошла открывать. Она не очень испугалась матери Арнолда, рассудив по голосу, что та скорее печалится, нежели злится. Но когда мисс Гёринг открыла дверь – изумилась тому, что, напротив, лицо женщины побелело от гнева, а глаза ее превратились в узенькие щелочки.

– Почему ты всегда притворяешься, будто так хорошо спишь? – спросил отец Арнолда. Только это замечание и пришло ему на ум, хоть он и сам осознавал, до чего несообразно оно, должно быть, для жены.

– Вы распутница, – сказала его жена мисс Гёринг. Ту не на шутку потрясло это замечание – и к ее собственному немалому изумлению, потому что она всегда считала, будто подобное для нее ничего не значит.

– Боюсь, вы взяли совершенно не тот след, – сказала мисс Гёринг, – и я верю, что настанет такой день, когда мы с вами станем лучшими подругами.

– Уж позвольте мне, будьте любезны, самой выбирать себе подруг, – ответила ей мать Арнолда. – У меня вообще-то уже есть подруги, и я не рассчитываю пополнять их список, тем паче – вами.

– И все ж нипочем нельзя быть уверенной, – довольно вяло парировала мисс Гёринг, отступая и пытаясь непринужденно опереться о бюро. К сожалению, назвав мисс Гёринг распутницей, мать Арнолда подсказала своему супругу позицию, которую он займет для собственной защиты.

– Да как ты смеешь! – воскликнул он. – Как тебе хватает духу называть гостью нашего дома распутницей! Ты нарушаешь законы гостеприимства стократ, а я такого не потерплю.

– А ты на меня не ори, – ответила мать Арнолда. – Пускай убирается сию же минуту – или я устрою скандал, и ты об этом пожалеешь.

– Послушайте, дорогая моя, – сказал мисс Гёринг отец Арнолда. – Возможно, лучше будет, если вы в самом деле уедете – ради своего же блага. Уже светает, поэтому бояться вам вовсе не стоит.

Отец Арнолда нервно огляделся, после чего поспешил из комнаты и прочь по коридору, жена его – следом. Мисс Гёринг услышала, как хлопнула дверь, и представила себе, как они продолжают ссору наедине.

Сама она опрометью прошмыгнула по коридору и выскочила из дому вон. Пройдя пешком совсем немного, нашла таксомотор и, не успев проехать в нем и нескольких минут, заснула.

На следующий день солнце сияло, и мисс Гэмелон и мисс Гёринг обе сидели на лужайке и спорили. Мисс Гёринг вытянулась на травке. Из них двоих мисс Гэмелон казалась недовольнее. Она хмурилась и поглядывала через плечо на дом, стоявший у них за спинами. А мисс Гёринг зажмурила глаза, и по лицу ее гуляла слабая усмешка.

– Ну, – произнесла, поворачиваясь, мисс Гэмелон, – вы до того мало знаете о том, чем занимаетесь, что недвижимость в ваших руках – настоящее преступление против общества. Собственность должна быть у тех, кому она нравится.

– Думаю, – сказала мисс Гёринг, – что мне она нравится больше, чем многим. Она мне придает уютное ощущение надежности, как я вам объясняла, по крайней мере, уже десяток раз. Однако, чтобы претворить мой собственный маленький замысел спасенья, я в самом деле верю, что мне необходимо пожить в каком-то более безвкусном месте, а особенно – не там, где я родилась.

– По моему мнению, – проговорила мисс Гэмелон, – вы могли бы отлично претворять свое спасение днем в течение определенных часов без нужды все перемещать.

– Нет, – ответила мисс Гёринг, – тогда это не будет в согласии с духом времени.

Мисс Гэмелон поерзала в кресле.

– Дух времени, чем бы он ни был, – сказала она, – я уверена, и без вас прекрасно справится – вероятно, даже предпочел бы справляться без вас.

Мисс Гёринг улыбнулась и покачала головой.

– Мысль в том, – сказала она, – чтобы измениться в первую очередь по собственному произволу и согласно нашим собственным внутренним побуждениям прежде, чем они принудят нас к совершенно случайным переменам.

– У меня никаких таких побуждений нет, – ответила мисс Гэмелон, – и мне сдается, что вам колоссально достаёт наглости вообще сопоставляться с кем бы то ни было. Вообще-то я думаю, что, если вы этот дом покинете, я сочту вас безнадежно полоумной. В конце концов, я не из тех, кого интересует жить с полоумными, – как и вообще кого бы то ни было.

– Когда я отрекусь от вас, – проговорила мисс Гёринг, садясь и экзальтированно откидывая голову, – когда я от вас отрекусь, Люси, то отрекусь я отнюдь не только от своего дома.

– Это одна из ваших мерзостей, – сказала мисс Гэмелон. – Она влетает мне в одно ухо и вылетает из другого.

Мисс Гёринг пожала плечами и ушла в дом.

Немного постояла в гостиной, поправляя цветы в вазе, и уже собралась было зайти к себе в комнату и вздремнуть, когда явился Арнолд.

– Здравствуйте, – сказал он, – собирался заехать и с вами увидаться раньше, но не вполне удалось. У нас случился этакий долгий семейный обед. Мне кажется, цветы в этой комнате смотрятся прекрасно.

– Как поживает ваш папенька? – спросила у него мисс Гёринг.

– О, – ответил Арнолд, – с ним, наверное, все в порядке. Мы с ним мало общаемся. – Мисс Гёринг заметила, что он снова потеет. Очевидно, он был ужасно взволнован тем, что приехал к ней домой, поскольку даже забыл снять свою соломенную шляпу. – Это поистине прекрасный дом, – сказал он ей. – В нем меня восторгает свойство бывшего великолепия. Должно быть, вы вообще терпеть не можете его покидать. Ну а папенька, судя по всему, вами весьма проникся. Не позволяйте ему слишком с собою нагличать. Он считает, что девушки по нему с ума сходят.

– Я им увлечена, – ответила мисс Гёринг.

– Ну, я надеюсь, то, что вы им увлечены, – промолвил Арнолд, – не мешает нашей с вами дружбе, поскольку я решил видаться с вами часто – при условии, конечно, что вам это не претит.

– Разумеется, – ответила мисс Гёринг, – когда б ни пожелали.

– Думаю, мне понравится бывать у вас в доме, и вам ни к чему считать это обузой. Я вполне удовлетворюсь сиденьем в одиночестве и раздумьями, потому что, как вам известно, мне весьма не терпится утвердиться как-то иначе, нежели нынче, – так меня не устраивает. Как вы легко можете вообразить, мне даже невозможно закатить званый ужин для горстки друзей, поскольку ни папенька, ни маменька из дому ни ногой, если я не уйду.

Арнолд уселся в кресло у большого эркерного окна и вытянул ноги.

– Подите сюда! – молвил он мисс Гёринг, – и посмотрите, как ветер треплет верхушки деревьев. Нет ничего прелестнее на свете. – Он недолго смотрел на нее очень серьезно.

– У вас не найдется немного молока, хлеба и конфитюра? – спросил он. – Надеюсь, между нами не будет лишних церемоний.

Мисс Гёринг удивилась, что Арнолд просит еды сразу после своего семейного обеда, и она подумала, что в этом, несомненно, причина того, что он так толст.

– Найдется, разумеется, – любезно ответила она и ушла распорядиться.

Между тем мисс Гэмелон пожелала вернуться в дом и, если возможно, продолжить спор с мисс Гёринг. Увидев ее, Арнолд сообразил, что она и есть та приживалка, о которой накануне вечером упоминала мисс Гёринг.

Он тут же поднялся, решив, что ему очень важно подружиться с мисс Гэмелон.

Та и сама ему весьма обрадовалась, поскольку общество у них бывало редко, а ей почти с кем угодно беседовать нравилось больше, чем с мисс Гёринг.

Оба представились, и Арнолд подтащил кресло для мисс Гэмелон к своему.

– Вы компаньонка мисс Гёринг, – сказал он. – Думаю, это прелестно.

– Вы считаете это прелестным? – переспросила мисс Гэмелон. – Это и впрямь очень интересно.

Арнолд со счастливым видом улыбнулся на это замечание мисс Гэмелон и сидел дальше, некоторое время ничего не произнося.

– Этот дом отделан с изысканным вкусом, – наконец произнес он, – и полон покоя и мира.

– Все зависит от того, как на него взглянуть, – быстро ответила мисс Гэмелон, дернув голову и выглянув в окно. – Бывают люди, – сказала она, – которые дают миру от ворот поворот, как будто это красный дракон пыхает пламенем из ноздрей, а бывают и такие, кто и Бога в покое не оставит.

Арнолд подался вперед, стараясь выглядеть почтительным и в то же время заинтересованным.

– Сдается мне, – рассудительно проговорил он, – я думаю, понимаю, что вы имеете в виду.

Затем оба они посмотрели в окно одновременно и увидели вдалеке мисс Гёринг – на плечах у нее была пелерина, и она беседовала с молодым человеком, которого они едва могли различить, потому что стоял он прямо против солнца.

– Это агент, – сказала мисс Гэмелон. – Полагаю, отныне ждать больше нечего.

– Какой агент? – спросил Арнолд.

– Через которого она собирается продавать дом, – ответила мисс Гэмелон. – Ну не ужас ли это такой, что и словами не выразить?

– О, простите, – произнес Арнолд. – Сдается мне, это с ее стороны очень глупо, но, полагаю, меня это не касается.

– Мы намерены жить, – добавила мисс Гэмелон, – в четырехкомнатном каркасном домишке и сами себе стряпать. Это будет в сельской глуши, среди лесов.

– До чего же мрачно, разве нет? – сказал Арнолд. – Но зачем же мисс Гёринг решила на такое?

– Утверждает, что это лишь начало претворения грандиозного замысла.

С виду Арнолд весьма опечалился. Он больше не разговаривал с мисс Гэмелон, а просто сжал губы и уставился в потолок.

– Полагаю, самое важное на свете, – в конце концов промолвил он, – это дружба и понимание. – Он вопросительно глянул на мисс Гэмелон. Похоже, внутри он от чего-то отсекся. – Что ж, мисс Гэмелон, – вновь заговорил он, – разве не согласны вы со мною, что дружба и понимание – самое важное на свете?

– Да, – ответила мисс Гэмелон, – а также не терять голову.

Вскоре вошла мисс Гёринг с пачкой бумаг под мышкой.

– Это, – произнесла она, – договоры. Ух и многословные же они, но мне кажется, агент – человек милый. Сказал, что считает этот дом прелестью. – Она протянула договоры сперва Арнолду, а затем мисс Гэмелон.

– Я бы предположила, – сказала мисс Гэмелон, – что вы побоялись бы глянуть в зеркало из страха увидеть нечто необузданное и причудливое. Не желаю я смотреть эти ваши договоры. Уберите их, пожалуйста, у меня с колен сию же минуту. Господи боже мой всемогущий!

Мисс Гёринг вообще-то действительно выглядела диковато, и мисс Гэмелон настороженным взором своим тут же заметила, что рука ее, державшая бумаги, дрожит.

– Где располагается ваш домик, мисс Гёринг? – спросил Арнолд, стараясь, чтобы в беседе прозвучала нота поестественней.

– На острове, – сказала мисс Гёринг, – недалеко от города, если паромом. Помню, я навещала этот остров ребенком, и никогда он не нравился мне, потому что там смердело клевыми фабриками с большой земли, даже если ходишь там по лесам и полям. Один конец острова населен очень густо, хотя во всех магазинах можно купить лишь третьесортные товары. Дальше остров глуше и старомоднее; однако паром часто встречает там маленький поезд и перевозит вас на другой конец. А там вы оказываетесь в городке, довольно-таки затерянном и очень суровом на вид, и вам, наверное, страшновато обнаружить, что большая земля напротив этого мыса так же убога, как и сам остров, и никакой защиты вам не предоставит.

– Похоже, вы рассмотрели ситуацию очень тщательно и со всех сторон, – промолвила мисс Гэмелон. – Примите мои поздравления! – Не вставая с места, она помахала мисс Гёринг, но легко было заметить, что держится она отнюдь не легкомысленно.

Арнолд неловко поерзал в кресле. Кашлянул, а затем очень мягко заговорил с мисс Гёринг.

– Уверен, что и на острове имеются свои преимущества, о которых вам известно, однако, быть может, вы предпочтете нас ими удивить, а не разочаровать.

– В настоящее время мне о них ничего не известно, – ответила мисс Гёринг. – А вы что, едете с нами?

– Думаю, мне хотелось бы провести с вами там сколько-то времени; то есть если вы меня пригласите.

Арнолду было грустно и не по себе, но он чувствовал, что любой ценой должен держаться близ мисс Гёринг, в какой бы мир та ни предпочла перебраться.

– Если вы пригласите меня, – повторил он, – я буду рад отправиться с вами ненадолго в любом случае, а там посмотрим, как оно пойдет. Я б мог и дальше держать за собою часть той квартиры, какую делю со своими родителями, а все время там не проводить. Но не советую вам продавать свой прекрасный дом; лучше сдавайте его или заколотите, пока вас не будет. Само собой, точка зрения у вас может измениться, и вы захотите в него вернуться.

Мисс Гэмелон зарделась от удовольствия.

– Задуматься, чтобы поступить так, с ее стороны будет слишком уж по-человечески, – произнесла она, однако надежды в ней, казалось, прибавилось.

Мисс Гёринг вроде бы грезил и не слушала того, что они оба ей говорят.

– Как, – промолвила мисс Гэмелон, – вы разве не станете ему отвечать? Он сказал: почему бы вам не заколотить свой дом или не сдать его, а потом, когда передумаете, – вернетесь.

– О нет, – ответила мисс Гёринг. – Благодарю покорно, но так я не могу. Поступить так не имело бы смысла.

Арнолд кашлянул, чтобы скрыть свое смущение от того, что предложил нечто настолько противное мисс Гёринг.

«Не должен я, – сказал он себе самому, – не следует мне слишком уж вставать на сторону мисс Гэмелон, иначе мисс Гёринг начнет думать, будто у меня ум того же калибра».

– Наверное, лучше всего в конце концов, – вслух проговорил он, – взять и все продать.

Часть вторая

Мистер и миссис Копперфилд стояли на палубе полубака, а судно входило в панамский порт. Миссис Копперфилд была очень рада наконец увидеть сушу.

– Вот теперь ты признаёшь, – сказала она мистеру Копперфилду, – что суша приятнее моря. – Сама она очень боялась утонуть. – Дело ведь не только в боязни моря, – продолжала она, – а в том, что оно скучно. Все время одно и то же. Цвета, конечно, красивые.

Мистер Копперфилд рассматривал береговую линию.

– Если встать неподвижно и заглянуть между зданий в порту, – произнес он, – можно заметить какие-то зеленые вагоны, груженные бананами. Эти поезда, похоже, отправляются каждые четверть часа.

Жена ему не ответила; вместо этого надела шлем от солнца, который раньше держала в руке.

– Ты разве еще не почувствовал жару? Я уже, – сказала наконец ему она. Не получив ответа, двинулась вдоль леерного ограждения, глядя вниз на воду.

Вот к ней подошла поговорить дородная женщина, с которой она познакомилась на судне. Миссис Копперфилд просияла.

– Вы завили себе волосы! – произнесла она. Женщина улыбнулась.

– Не забудьте, – сказала она миссис Копперфилд, – как только доберетесь до гостиницы, лягте и отдохните. Не давайте им таскать себя по улицам, каких буйных развлечений они б вам ни сулили. Все равно на улицах одни мартышки. Во всем городишке не найдется ни единой симпатичной личности, какая не была б связана с Американской армией, а американцы по большей части держатся собственного квартала. Американский квартал называется Кристо-баль. Он отделен от Колона. В Колоне нет ничего, одни полукровки и мартышки. А в Кристо-бале славно. У всех там по своей затененной веранде. В Колоне же мартышки и не помыслят затеняться. Они все равно не понимают, когда их жалит москит, а если б и понимали, то и пальцем бы не шевельнули, чтоб его согнать. Ешьте побольше фруктов и осторожней в лавках. Ими владеют преимущественно индусы. Они, знаете, как евреи. Обжуют вас слева и справа.

– Меня не интересует ничего покупать, – сказала миссис Копперфилд, – но можно ли мне будет вас навестить, покуда я в Колоне?

– Вас я обожаю, дорогуша, – ответила женщина, – но, пока я тут, мне хочется каждую минуту проводить со своим мальчиком.

– Это ничего, – молвила миссис Копперфилд.

– Конечно же, ничего. У вас же такой красивый муж.

– Без толку, – сказала миссис Копперфилд, но не успела она это произнести, как сама себе ужаснулась.

– Так-так, у вас случилась размолвка? – поинтересовалась женщина.

– Нет.

– Тогда я считаю, что вы ужасная женушка, раз отзываетесь так о своем супруге, – произнесла она, отходя прочь. Миссис Копперфилд поникла головой и вернулась стоять рядом с мистером Копперфилдом.

– Зачем ты разговариваешь с подобными клушами? – спросил он.

Она не ответила.

– Ну, – произнес он, – ради всего святого посмотри же, какие тут виды, а?

Они сели в таксомотор, и мистер Копперфилд настоял ехать в гостиницу в самом центре города. Обыкновенно же все приезжие даже с небольшими сбережениями останавливались в отеле «Вашингтон» с видом на море и в нескольких милях за Колоном.

– Не верю, – сказал своей жене мистер Копперфилд, – не верю я в трату денег на роскошь, какая может быть моею в крайнем случае всего неделю. Я считаю, гораздо приятней покупать такие вещи, что прослужат мне, возможно, всю жизнь. Мы уж точно сумеем найти в городе гостиницу, где нам будет удобно. А потом вольны будем тратить деньги на что-нибудь более волнительное.

– Мне очень важно, что это за номер, где я буду спать, – сказала миссис Копперфилд. Она едва не постанывала.

– Дорогая моя, номер – всего лишь комната, где ночуют и одеваются. Если там тихо, а кровать удобна, ничего больше и не требуется. Разве ты со мною не согласна?

– Тебе прекрасно известно, что я с тобой не согласна.

– Если ты намерена быть несчастной, отправимся в отель «Вашингтон», – сказал мистер Копперфилд. Он вдруг растерял все свое достоинство. Взор его затуманился, а сам он надул губы. – Но мне там будет скверно, могу тебя в этом заверить. Там такая проклятушая скука. – Вел он себя, как маленький ребенок, и миссис Копперфилд пришлось его утешать. Умел он обманом вынудить ее чувствовать собственную ответственность.

«В конце концов, это же в основном мои деньги, – сказала она себе. – Я оплачиваю все основные расходы по этой поездке». Тем не менее она не сумела вернуть себе ощущение силы, напомнив себе об этом. Мистер Копперфилд над нею совершенно тяготел – как и почти все, с кем она соприкасалась. И все же некоторые люди, неплохо знавшие ее, подтверждали, что она способна на внезапное очень резкое и независимое движение, даже если в нем ее не поддержит ни единая душа.

Она выглянула в окно таксомотора и заметила, что вокруг нее на улицах происходит какое-то жуткое обилие деятельности. Люди, главным образом – негры и мужчины в мундирах флотов всех стран – вбегали и выбегали и так шумели, что миссис Копперфилд стало непонятно, не праздник ли какой-то у них.

– Похоже на город, который постоянно разграбляют, – произнес ее муж.

Дома были окрашены в яркие цвета, на верхних этажах имелись широкие веранды, а ниже их поддерживали деревянные столбы. Так они образовывали нечто вроде галереи, затеняющей тех, кто ходил по улице.

– Архитектура изобретательна, – заметил мистер Копперфилд. – Улицы были б невыносимы, гуляй по ним люди, а над головой у них ничего.

– Вы б не выдержали, мистер, – сказал таксист, – гулять, чтоб над головой ничего.

– В любом случае, – произнесла миссис Копперфилд, – давай же побыстрее выберем какую-нибудь одну гостиницу и уже остановимся в ней.

Одну они обнаружили в самой сердцевине квартала красных фонарей и согласились осмотреть номера на пятом этаже. Управляющий сообщил им, что там уж точно будет меньше всего шума. Миссис Копперфилд, боявшаяся лифтов, решила подняться по лестнице пешком и дожидаться там, когда ее муж прибудет с багажом. Взобравшись на пятый этаж, она с удивлением обнаружила, что в главном вестибюле там держат по меньшей мере сотню жестких обеденных стульев – и больше ничего. Пока она озиралась, в ней нарастал гнев, и она уже едва могла дожидаться, когда мистер Копперфилд приедет на лифте, чтобы сообщить ему, что она о нем думает. «Я должна попасть в отель “Вашингтон”», – сказала себе она.

Наконец объявился мистер Копперфилд – вместе с мальчиком, несшим багаж. Она побежала к нему.

– Уродливей я никогда ничего не видела, – сказала она.

– Подожди секундочку, пожалуйста, и дай мне сосчитать наш багаж; хочу удостовериться, что все на месте.

– По мне, так пускай он хоть на дне моря окажется, весь.

– Где моя пишущая машинка? – спросил мистер Копперфилд.

– Поговори со мной сию же минуту, – произнесла его жена вне себя от гнева.

– Тебе не все равно, будет у тебя своя ванная или нет? – спросил мистер Копперфилд.

– Нет, нет. Мне это безразлично. Вопрос не в комфорте. Дело тут в гораздо большем.

Мистер Копперфилд хмыкнул.

– Ты такая сумасшедшая, – снисходительно сказал ей он. Он был в восторге от того, что оказался наконец в тропиках, и более чем доволен, что ему удалось разубедить жену останавливаться в до нелепого дорогом отеле, где их будут окружать одни туристы. Он сознавал, что эта гостиница зловеща, но именно это ему в ней и нравилось.

Вслед за коридорным они двинулись к одному из номеров, и едва до него дошли, как миссис Копперфилд принялась дергать дверь взад и вперед. Открывалась та в обе стороны, а запиралась лишь на маленький крючок.

– В этот номер может вломиться кто угодно, – сказала миссис Копперфилд.

– Пожалуй, может, но вряд ли станет, а? – Мистер Копперфилд подчеркнуто никогда не успокаивал свою жену. Ее страхам он отдавал должное. Однако здесь он упорствовать не стал, и они все же решили поселиться в другом номере, с дверью покрепче.

Миссис Копперфилд поражалась живости своего мужа. Тот умылся и вышел купить папайю.

Она лежала на кровати, думала.

«Итак, – сказала себе она, – когда люди верили в Бога, они возили Его с места на место. Таскали по джунглям и через Полярный круг. Бог присматривал за всеми, и все люди были братья. А теперь с места на место возить с собой нечего, а если по мне, так все люди пусть были б кенгуру; однако должен же найтись здесь хоть кто-то, кто мне будет о чем-то напоминать... Я обязана отыскать гнездышко в этом нелепом месте».

Единственной целью миссис Копперфилд в жизни было счастье, хотя те, кто наблюдал за ее поведением не один год, с удивлением обнаружили бы, что цель эта – единственная.

Она встала с кровати и вытащила из саквояжа подарок мисс Гёринг – маникюрный набор.

– Память, – прошептала она. – Память о тех вещах, какие я любила с детства. Мой муж – человек без памяти. – При мысли об этом человеке, кто нравился ей превыше всех прочих людей, человеку, для кого все, чего он еще не знал, было радостью, ей стало очень больно. Ее же все, что уже не было старым сном, возмущало. Она снова легла и крепко уснула.

А когда проснулась, мистер Копперфилд стоял у изножья кровати и ел папайю.

– Ты должна попробовать, – сказал он. – Дает много энергии, а кроме того, вкусно. Не хочешь кусочек? – Он робко взглянул на нее.

– Где ты был? – спросила у него она.

– О, гулял по улицам. Вообще-то много миль прошел. Тебе в самом деле следует выйти наружу. Там дурдом. На улицах полно солдат, матросов и шлюх. Все женщины в длинных платьях... невероятно дешевых. Они все с тобой разговаривают. Давай выйдем.

Они шли по улицам рука об руку. Лоб у миссис Копперфилд горел, а руки зябли. Она чувствовала, как что-то трепещет у нее под ложечкой. Когда она глядела вперед, сам конец улицы, казалось, изгибался, а потом выпрямлялся вновь. Об этом она сообщила мистеру Копперфилду, и тот объяснил, что происходит это в результате того, что они только что сошли на берег с судна. Над головами у них на деревянных верандах дети скакали так, что тряслись все дома. Кто-то толкнул миссис Копперфилд в плечо и чуть не сшиб ее наземь. В то же время она весьма ощутила крепкий и ароматный запах розовых духов. Личность, столкнувшаяся с нею, была негритянкой в вечернем платье из розового шелка.

– Несказанно сожалею. Не выразить словами, – сказала она им. Затем неопределенно огляделась и принялась что-то мурлыкать себе под нос.

– Я тебе говорил, что здесь дурдом, – сказал жене мистер Копперфилд.

– Послушайте, – произнесла негритянка, – зайдите в следующую улицу, там вам больше понравится. А мне надо своего хахалю вон в том баре встретить. – Она им показала. – Там буфет прекрасный. Туда все ходят, – сказала она. Придвинулась поближе и обратилась к одной лишь миссис Копперфилд: – Пойдем-ка со мной, дорогая, и такой счастливой будешь, как раньше с тобой и не бывало никогда. Буду тебе в самый раз. Пошли.

Руку миссис Копперфилд она взяла в свою и потащила ее прочь от мистера Копперфилда. Она была крупнее их обоих.

– Вряд ли она прямо сейчас стремится в бар, – произнес мистер Копперфилд. – Нам бы хотелось сначала немного присмотреться к городу.

Негритянка погладила лицо миссис Копперфилд ладонью.

– Ты этого желаешь, дорогая, – или пойдем со мной? – В нескольких шагах от них оставился полицейский. Негритянка отпустила руку миссис Копперфилд и, хохоча, поскакала прочь по улице.

– Ты видел ли что-нибудь страннее? – переводя дух, произнесла миссис Копперфилд.

– Вы лучше за своим носом следите, – проговорил полицейский. – Чего б вам не пойти да не поглядеть на магазины? Тут все гуляют по улицам, где магазины. Купите что-нибудь дяде или кузине.

– Нет, не этого я хочу, – ответила миссис Копперфилд.

– Ну тогда сходите в кино, – проговорил полицейский, убредая прочь.

С мистером Копперфилдом от смеха чуть не случилась истерика. Он прикрывал рот носовым платком.

– Вот что я как раз люблю, – удалось вымолвить ему. Они прошли дальше и свернули на другую улицу. Сиделось солнце, и воздух был недвижим и горяч. На той улице балконов не было, стояли только одноэтажные домики. Перед каждой дверью сидело хотя бы по одной женщине. Миссис Копперфилд подошла к окну одного домишки и заглянула внутрь. Комнату почти что целиком заполняла громадная двуспальная кровать с крайне комковатым матрасом, застеленным кружевным покрывалом. На кровать бросала ослепительный свет электрическая лампочка под лавандовым шифоновым абажуром, а на подушке лежал развернутый веер с оттиснутыми словами «Город Панама».

Женщина, сидевшая именно перед этим домиком, была довольно стара. Восседали она на табурете, локти покоились на коленях, и миссис Копперфилд, которая теперь повернулась глянуть на нее, показалось, что она, вероятно, относится к вест-индскому типу. Была женщина плоскогрудой и грубо сбитой, с очень мускулистыми руками и плечами. Ее длинное, с виду недовольное лицо и отчасти шея были тщательно запудрены светлым, а вот грудь и руки оставались смуглыми. Миссис Копперфилд развеселило то, что ее платье было из лавандовой театральной марли. В волосах пробивалась привлекательная седина.

Негритянка обернулась и, увидев, что ее разглядывают и мистер, и миссис Копперфилд, встала и огладила на себе складки платья. Была она почти что великаншей.

– Вы оба за доллар, – произнесла она.

– Доллар, – повторила за нею следом миссис Копперфилд. Мистер Копперфилд, стоявший поблизости у обочины, подошел к ним ближе.

– Фрида, – сказал он, – давай еще немного по улицам погуляем.

– Ох, прошу тебя! – ответила миссис Копперфилд. – Подожди минутку.

– Меньше доллара я не могу, – сказала негритянка.

– Если тебе хочется остаться тут, – предложил мистер Копперфилд, – я немного погуляю вокруг и вернусь за тобой через некоторое время. Может, тебе лучше быть немного при деньгах. Вот тебе доллар и тридцать пять центов на всякий случай...

– Я хочу с нею поговорить, – сказала миссис Копперфилд, немигающе глядя перед собой.

– Тогда, значит, увидимся через несколько минут. Неймется мне, – объявил он и ушел.

– Люблю быть свободной, – сказала женщине миссис Копперфилд после его ухода. – Зайдемте в вашу комнатку? Я любовалась ею через окно...

Не успела она договорить, как женщина уже вталкивала ее в дверь обеими руками, и обе они оказались в комнате. Половика на полу не лежало, а стены стояли голыми. Единственными украшениями были те, какие видны с улицы. Женщины сели на кровать.

– У меня вон в том углу раньше был маленький граммофон, – сообщила хозяйка. – Мне его ссудил один с парохода. Потом пришел его друг и снова забрал... Ти-та-та-ти-та-та, – пропела она и пристукнула немного каблуками. Взяла обе руки миссис Копперфилд в свои и стащила ее с кровати. – Давай же, милая. – Она обняла миссис Копперфилд крепче. – Ты ужасно маленькая и очень славенькая. Ты же *правда* славная, и тебе, может, одиноко. – Миссис Копперфилд прижалась щекой к груди хозяйки. Запах театральной марли напомнил ей о ее первой роли в школьной пьесе. Она улыбнулась негритянке, глядя на нее так нежно и кротко, как только могла.

– Что вы делаете днями? – спросила у женщины она.

– Играю в карты. Хожу в кино...

Миссис Копперфилд шагнула от нее прочь. Щеки у нее пылали красным. Обе они прислушались к тем, кто проходил мимо. Теперь им было слышно каждое слово, что говорилось за окном. Негритянка нахмурилась. Вид у нее сделался глубоко озабоченный.

– Время – золото, милая, – сказала она миссис Копперфилд, – но ты, возможно, слишком молодая и этого еще не понимаешь.

Миссис Копперфилд покачала головой. Глядя на негритянку, она загрустила.

– Я пить хочу, – произнесла она. Вдруг они услышали мужской голос:

– Не ожидала, что я вернусь так быстро, Поуди? – После этого истерически засмеялись несколько девушек. Глаза у негритянки ожили.

– Давай мне доллар! Доллар давай! – разгоряченно завопила она. – Ты все равно свое время тут провела. – Миссис Копперфилд поспешно протянула ей доллар, и негритянка опрометью выскочила на улицу. Миссис Копперфилд вышла следом за ней.

Перед домишкой несколько девушек висли на обрюзгшем мужчине в костюме из мятого льна. Завидя негритянку в ее лавандовом платье, он оторвался от всех остальных и сгреб ее в охапку. Негритянка радостно закатила глаза и ввела его в дом, даже не кивнув миссис Копперфилд на прощанье. Довольно скоро остальные убежали прочь по улице, и миссис Копперфилд осталась одна. По обе стороны ее сновали прохожие, но никто больше покуда ее не интересовал. Впрочем, сама она представляла для всех громадный интерес – в особенности для тех женщин, что сидели напротив у себя в дверях. Вскоре к ней пристала курчавая девочка.

– Купи мне что-нибудь, мамуля, – попросила она.

Поскольку миссис Копперфилд ничего ей не ответила, а просто долго и печально посмотрела на нее, девочка произнесла:

– Мамуля, ты сама можешь выбрать. Даже перышко можешь купить, мне все равно. – Миссис Копперфилд передернуло. Ей показалось, что она видит сон.

– Что ты имеешь в виду под перышком? Ты о чем это?

Девочка аж поежилась от восторга.

– Ой, мамуля, – сказала она, и голос ее пресекся в горле. – Ой, мамуля, ты потешная! Ты такая смешная. Я не знаю, что такое перышко, но все, чего ты хочешь всем своим сердцем, сама же знаешь.

По улице они прошли до лавки и вышли с коробочкой пудры для лица. Девочка попрощалась и скрылась за углом с какими-то своими подружками. Вновь миссис Копперфилд осталась одна. Мимо проезжали наемные коляски с туристами. «Туристы, говоря в общем, – записала некогда миссис Копперфилд в своем дневнике, – это люди, на кого значительность и непрелож-

ность их собственного образа жизни производит такое впечатление, что они способны странствовать по самым фантастическим местам и при этом переживать всего лишь визуальный отклик. Туристы позакаленнее часто находят, что одно место напоминает им другое».

Очень скоро с нею воссоединился мистер Копперфилд.

– Чудненько ли ты провела время? – спросил он ее.

Она покачала головой и посмотрела на него снизу. Вдруг почувствовала, что устала ужасно, до слез.

– Плакса, – произнес мистер Копперфилд.

К ним подошел кто-то сзади. Тихий голос произнес:

– Она потерялась? – Они обернулись и увидели, что позади них стоит смышленного вида девушка с острым личиком и курчавыми волосами. – На вашем месте я б не бросала ее на улице, – проговорила она.

– Она не потерялась; она просто приуныла, – объяснил мистер Копперфилд.

– Сочтете ли вы меня дерзкой, если я попрошу вас пойти в славный ресторан, где все мы можем поужинать? – спросила девушка. Она действительно была очень прелестна.

– Пойдемте, – неистово произнесла миссис Копперфилд. – Непременно. – Теперь она вошла в азарт; у нее возникло чувство, что с этой девушкой все будет хорошо. Как и большинство, на самом деле она не очень верила, что за чем-то ужасным непременно последует другое.

Вообще-то ресторан славным не был. В нем стояла темень, зал был очень длинным, а внутри вообще никого.

– Вы бы не предпочли поужинать где-нибудь еще? – спросила у девушки миссис Копперфилд.

– О нет! Я б ни за что больше никуда не пошла. Вам я расскажу, если не рассердитесь. Тут мне перепадает немного денег, если я привожу с собой кого-нибудь.

– Так давайте я вам дам денег, и мы пойдем куда-нибудь в другое место. Я дам вам столько же, сколько он дает, – проговорила миссис Копперфилд.

– Это глупо, – промолвила девушка. – Это очень глупо.

– Я слышала, в этом городе есть местечко, где можно заказать превосходного омара. Туда мы не можем пойти? – Миссис Копперфилд уже буквально умоляла девушку.

– Нет – это глупо. – Она подозвала официанта, который только что вошел с какими-то газетами под мышкой.

– Адальберто, принеси нам мяса и вина. Сначала мяса. – Это она произнесла по-испански.

– Как хорошо вы говорите по-английски! – промолвил мистер Копперфилд.

– Я всегда люблю бывать с американцами, когда выпадает, – ответила девушка.

– Считаете, они щедры? – поинтересовался мистер Копперфилд.

– Ой, конечно, – сказала девушка. – Конечно же, щедры. Щедрые, если у них есть деньги. А еще щедрей они, когда при них их семьи. Знала я мужчину. Американца. Настоящего. И жил он в отеле «Вашингтон». Между прочим, это самая красивая гостиница в городе. Каждый день после обеда его жена устраивала себе сиесту. Он быстро приезжал на такси в Колон и был до того взбудоражен и так боялся, что не успеет вернуться к жене вовремя, что никогда не вел меня в комнату, а обычно шел со мною в лавку и говорил мне: «Быстрее, быстрее – выбери что-нибудь – что захочешь, только побыстрее».

– Какой ужас! – проговорила миссис Копперфилд.

– Ужасно было, – согласилась испанка. – Я всегда так бесилась, что однажды совсем с ума сошла и говорю ему: «Ладно, куплю вот эту трубку для моего дядюшки». Мне дядюшка не нравится, но пришлось ему ее подарить.

Мистер Копперфилд взревел от хохота.

– Смешно, а? – сказала девушка. – Говорю вам, если он вообще когда-нибудь вернется, больше не куплю ни одной трубки своему дядюшке, когда приведет меня в лавку. А она не уродина.

– Кто? – спросил мистер Копперфилд.

– Ваша жена.

– Я сегодня вечером ужасно выгляжу, – пожаловалась миссис Копперфилд.

– Это все равно не имеет значения, потому что вы замужем. Вам не о чем тревожиться.

– Она разозлится на вас за такие слова, – промолвил мистер Копперфилд.

– Почему разозлится? Это же самое прекрасное на всем свете, если не о чем тревожиться.

– Не из этого творится красота, – вмешалась миссис Копперфилд. – Как отсутствие треволений связано с красотой?

– Крепко оно связано со всем красивым на свете. Просыпаешься поутру – и, как только открываешь глаза и не знаешь, кто ты или какой была у тебя жизнь, – это же прекрасно. А потом, когда уже знаешь, кто ты и что это за день у тебя в жизни, а сам по-прежнему считаешь, будто плывешь по воздуху, как счастливая птица, – это прекрасно. То есть если у тебя нет никаких тревог. Вы же не хотите сказать, что вам нравится беспокоиться.

Мистер Копперфилд жеманно улыбался. После ужина он вдруг понял, что очень устал, и предложил им пойти домой, но миссис Копперфилд была чересчур взвинчена, а потому спросила у испанской девушки, не согласится ли та провести еще немного времени в ее обществе. Девушка ответила, что проведет, если миссис Копперфилд не против вернуться с нею в ту гостиницу, где она живет.

Они попрощались с мистером Копперфилдом и пустились в путь.

Стены «Отеля де Лас Пальмас» были деревянными и крашенными в ярко-зеленый цвет. В коридорах стояло и свисало с потолков великое множество птичьих клеток. Некоторые – пустые. Комната девушки располагалась на втором этаже, и стены в ней были выкрашены так же ярко, как и в коридорах.

– Эти птицы поют день напролет, – сказала девушка, показывая, чтобы миссис Копперфилд под села к ней на кровать. – Иногда я говорю себе: «Дурочки, о чем же вы поете у себя в клетках?» А потом думаю: «Пасифика, ты такая же дура, как эти птички. Ты же и сама в клетке, потому что у тебя нет денег. Вчера вечером ты три часа хохотала с немцем, потому что он дал тебе выпить. И считала его глупцом». Я смеюсь у себя в клетке, а они в своих поют.

– Ох, что ж, – промолвила миссис Копперфилд, – на самом деле нет никакого взаимопонимания между нами и птицами.

– Считаете, это неправда? – с чувством спросила Пасифика. – А я вам говорю, что правда.

Она стащила через голову платье и встала перед миссис Копперфилд в одной комбинации.

– Скажите мне, – вымолвила она, – что вы думаете о тех красивых шелковых кимоно, которыми индусы торгуют у себя в лавках? Будь у меня такой богатый муж, я б велела ему купить мне такое. Вы не понимаете, до чего вам везет. С ним я бы ходила в лавки каждый день, и пусть бы он покупал мне прелестные вещички, а не стояла бы и плакала, как маленькая. Мужчинам не нравится видеть, когда женщины плачут. Думаете, они любят, когда женщины плачут?

Миссис Копперфилд пожала плечами.

– Я не могу думать, – ответила она.

– Вы правы. Им нравится смотреть, как женщины смеются. Женщинам приходится смеяться ночь напролет. Понаблюдайте как-нибудь за какой-нибудь хорошенькой девушкой. Когда она смеется, ей на десять лет больше. Это потому, что она так много это делает. Когда смеешься, стареешь на десять лет.

– Правда, – подтвердила миссис Копперфилд.

– Не огорчайтесь, – проговорила Пасифика. – Мне женщины очень нравятся. Иногда женщины мне нравятся даже больше мужчин. Мне моя бабушка нравится, и мама, и сестры мои. Нам всегда с ними вместе было хорошо – с женщинами в моем доме. Я всегда была лучшей. Самоймышленной и работала больше всех. Как бы я хотела опять оказаться у себя дома, довольной. Но мне все еще слишком много чего хочется, между прочим. Я ленивая, но у меня еще и нрав ужасный. Мне очень нравятся эти мужчины, с кем я знаколюсь. Иногда они мне рассказывают, что станут делать в своей будущей жизни, когда спишутся с судна. Я им всегда желаю, чтобы это произошло поскорее. Чертовы эти суда. Когда они мне рассказывают, что хотят лишь мотаться по всему свету на судне всю свою жизнь, я им говорю: «Ты не знаешь, чего лишаешься. У меня с тобой все, мальчонка». Не нравятся они мне, когда такие. А теперь я влюбилась в этого славного человека, который здесь дела делает. Почти все время он может мне за жилье платить. Не всегда каждую неделю. Он очень счастлив, что я у него. Почти все мужчины очень счастливы, если я у них есть. Я из-за этого нос слишком уж не задираю. Это же мне Бог дал. – Пасифика перекрестилась.

– Однажды я была влюблена в женщину постарше, – рьяно произнесла миссис Копперфилд. – Она больше не была красивой, но в ее лице я отыскивала такие осколки красоты, что волновали меня гораздо сильнее, чем любая известная мне красота на своей вершине. Но кто ж не любил кого-нибудь постарше? Боже правый!

– Вам нравится такое, что не нравится другим, правда? Мне бы такого хотелось – чтобы любить женщину старше. По-моему, это мило, да только я вечно влюбляюсь в какого-нибудь славного мужчину. Везет мне, наверное. А некоторые девушки – они больше не умеют влюбляться. У них на уме только деньги, деньги, деньги. Вы же о деньгах не слишком-то много думаете, правда? – спросила она у миссис Копперфилд.

– Нет, не слишком.

– А теперь немножко отдохнем, да? – Девушка легла на кровать и поманила миссис Копперфилд лечь с собою рядом. Она зевнула, сложила руку миссис Копперфилд в свою и уснула чуть ли не мгновенно. Миссис Копперфилд решила, что и ей неплохо будет немного поспать. В тот миг ей было очень покойно.

Разбудил их жуткий стук в дверь. Миссис Копперфилд открыла глаза и через секунду уже пала жертвой самого ошарашивающего ужаса. Взглянула на Пасифику, и лицо ее приятельницы успокаивало не больше, чем ее собственное.

– *Callate!* – прошептала она миссис Копперфилд, вновь перейдя на родной язык.

– Что такое? Что это? – резко спросила миссис Копперфилд. – Я не понимаю по-испански.

– Ни слова, – по-английски повторила Пасифика.

– Я не могу здесь лежать и не говорить ни слова. Точно не могу. В чем там дело?

– Пьяный. Влюблен в меня. Я его хорошо знаю. Он мне очень больно делает, когда я с ним сплю. Опять его судно пришло.

Стук в дверь стал настойчивее, и они слышали мужской голос:

– Я знаю, ты там, Пасифика, поэтому открывай чертову дверь.

– Ох, откройте же ему, Пасифика! – взмолилась миссис Копперфилд, вскакивая с кровати. – Нет ничего хуже этого напряжения.

– Не сходите с ума. Может, он напился и скоро уйдет.

Глаза миссис Копперфилд остекленели. У нее начиналась истерика.

– Нет-нет... Я всегда себе давала слово, что открою дверь, если кто-то в нее начнет ломиться. Тогда он станет меньше врагом. Чем дольше он там, тем сердитее. А первое, что я ему скажу, когда открою дверь: «Мы ваши друзья», – и тогда он, может, перестанет так злиться.

– Если я от вас сойду с ума еще больше, чем уже сошла, то даже не знаю, что мне делать, – промолвила Пасифика. – Теперь просто подождем и посмотрим, не уйдет ли он. Можно вот это бюро к двери придвинуть. Вы мне поможете подтащить его к двери?

– Не могу я ничего толкать! – Миссис Копперфилд была так слаба, что по стене сползла на пол.

– Мне что, сломать эту чертову дверь? – спрашивал мужчина.

Миссис Копперфилд поднялась на ноги, доковыляла до двери и открыла ее.

Вошедший мужчина был узколиц и очень высок. Выпил он, очевидно, многовато.

– Привет, Майер, – проговорила Пасифика. – Ты не дашь мне поспать? – С минуту она колебалась, а поскольку тот не ответил, сказала вновь: – Я спать пыталась.

– А я крепко спала, – промолвила миссис Копперфилд. Голос у нее звучал выше обычного, а лицо чуть ли не сияло. – Мне жаль, что мы вас сразу не услышали. Должно быть, заставили долго ждать.

– Никто никогда меня долго ждать не заставлял, – ответил Майер, багровея. Глаза у Пасифики сощурились. Она уже начинала терять терпение.

– Пошел вон из моей комнаты, – сказала она Майеру.

В ответ на это Майер криво рухнул на кровать, и удар его тела был настолько силен, что едва не проломил планки каркаса.

– Пойдемте отсюда поскорей, – сказала Пасифике миссис Копперфилд. Ей больше не удавалось никак держать себя в руках. Какой-то миг она надеялась, что враг внезапно разрыдается, как они это делают иногда в снах, но теперь была убеждена, что такого не случится. Пасифика все больше и больше злилась.

– Слушай меня, Майер, – говорила она. – А ну пошел вон на улицу сейчас же. Потому что с тобой я не стану делать ничего, только дам тебе по носу, если не уйдешь. Не будь ты таким опасным, мы бы вместе посидели внизу и выпили по стаканчику рома. У меня есть сотни приятелей, кому просто нравится со мною разговаривать и выпивать со мной, пока под стол не рухнут. А ты всегда мне пытаешься досадить. Ты все равно что обезьяна. А я хочу побыть в покое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.